

Е. В. Алымова, С. В. Караваева*

ГЕРАКЛ КАК ПРОТАГОНИСТ КИНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Статья посвящена одному из самых популярных героев кинической литературы — Гераклу, фигуре, возможно, самой противоречивой и парадоксальной в греческой мифологии. С одной стороны, античность знает его как героя всем известных двенадцати подвигов, героя-богоборца, с другой стороны, представляет, например, в комедиях Аристофана, как вороватого, обжору и проныру, в трагедии Еврипида «Геракл» — как героя безумного. В нашей попытке ответить на вопрос, что делает Геракла одним из протагонистов кинической литературы, мы обратимся к истокам кинической традиции — Антисфену, которому, согласно Диогену Лаэртскому, принадлежали три сочинения о Геракле («Геракл Большой, или О силе»; «Геракл, или Мидас»; «Геракл, или О разумении или силе»), и попытаемся на основании дошедших до нас фрагментов, а также современных Антисфену интерпретаций образа Геракла, представленных, в первую очередь, такими авторами, как Ксенофонт, Еврипид, Аристофан, восстановить контекст и проблематику сочинений Антисфена, посвященных Гераклу.

Ключевые слова: античная философия, сократические школы, киники, Геракл, Антисфен.

E. Alymova, S. Karavaeva

HERACLES AS A PROTAGONIST OF CYNIC LITERATURE

The article is devoted to one of the most popular heroes of Cynic literature, namely, Heracles, a figure that is, perhaps, the most contradictory and paradoxical in Greek mythology. On the one hand, antiquity knows him as the hero of the famous twelve labors, a theomachist hero, however, on the other hand, in Aristophanes' comedies he presents as a thievish glutton

---

* Алымова Елена Викторовна, кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета, Русская христианская гуманитарная академия; ealymova@yandex.ru; Караваева Светлана Викторовна, кандидат философских наук, ассистент, Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова; sveta.of@gmail.com

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 17-03-00616 «Сократические школы как явление античной философии и культуры» 2017–2019.

and swindler, and in Euripides' tragedy *Herakles* — as a mad hero. In our attempt to answer the question of what makes Hercules one of the protagonists of Cynic literature, we turn to the origins of the Cynic tradition — Antisthenes, who, according to Diogenes Laertius, was the author of three works about Heracles («The Greater Heracles, or Of Strength»; «Heracles, or Midas»; «Heracles, or Of Wisdom or Strength»). Based on the fragments that have survived to this day, as well as on the interpretations of the image of Heracles that were contemporary to Antisthenes, first and foremost those presented by Xenophon, Euripides, Aristophanes, we will attempt to restore the context and the problematics of the works by Antisthenes that are dedicated to Heracles.

Keywords: ancient philosophy, Socratic Schools, Cynics, Heracles Antisthenes.

В греческой мифологии Геракл, пожалуй, самая противоречивая и парадоксальная фигура. С одной стороны, античность знает его как героя всем известных двенадцати подвигов, участвующего наравне с богами в создании космического порядка и дальнейшего упорядочивания мира, как героя-богоборца, вступавшего в схватку с Аидом, Аполлоном, Герой, с другой стороны, представляет как персонажа комического: обжору, кутилу, простоватого силача, сексуально невоздержанного, таким он предстает, например, в комедиях Аристофана («Лягушки», «Птицы») или в трагедии Еврипида «Алкеста», где он напоминает, скорее, персонажей мимов Софрона и на первый взгляд мало чем походит на героя трагедии, однако, заметим, в конце выходит победителем из поединка с богом смерти Аидом. Двойственность — это то, что обращает на себя внимание в многочисленных свидетельствах о Геракле, представленных античностью, и что дает возможность неоднозначных и противоречивых толкований его образа: он порожден Зевсом под видом мужа Алкмены, у него есть брат-близнец, который представляет человеческую слабость, будучи сильным, герой служит слабому, и даже в самой этимологии имени Геракла («слава Гере») присутствует двойственность и ирония. Как нельзя лучше парадокс двойственности высвечивается в трагедии Еврипида «Геракл», где Геракл — трагический герой своей собственной двойной природы, ищущий свою идентичность, и по сути его поиск подобен поиску Царя Эдипа. В костюме из львиной шкуры он наполовину животное и как животное — безумен: он спаситель и одновременно в приступе безумства убивает свою жену и детей.

Не оставляет без внимания фигуру Геракла и философия, интерпретируя его образ в первую очередь в контексте этической проблематики. Так, одна из самых востребованных в античности интерпретаций Геракла, известная нам в пересказе Ксенофонта в «Воспоминаниях о Сократе», была представлена Продиком: Геракл, выбирающий между двумя жизненными путями — добродетелью (ἀρετή) и наслаждением (ἡδονή). И все же одним из главных и излюбленных персонажей, несомненным образцом для подражания, Геракл становится у кинических авторов. Заметим, что даже гимназий «Кинос агорес» — место, где собирались киники и откуда они, как свидетельствует Диоген Лаэртский, получили свое именование, был посвящен Гераклу [4, VI, 13].

Акценты, которые расставляют кинические авторы в своей интерпретации героя, в первую очередь касаются описания его жизни, полной трудов и лишений, его неприспособленности и выносливости, что в контексте заданного киниками понимания человека добродетельного, ведущего аскетический образ

жизни, делает его образцом для подражания. Так, Диоген Синопский — а его мы считаем первым киническим автором по преимуществу — говорил, «что ведет такую жизнь, какую вел Геракл» [4, VI, 71], а именно — презирая наслаждения и считая, что достичь блаженной жизни можно только предавшись трудам, которые возложила на нас природа, меньше всего считаюсь с законами государства, а предпочитая им законы природы [4, VI, 71]. Известно также, что Диогену принадлежала трагедия «Геракл» [4, VI, 80]. В дальнейшем как пример для подражания Геракл встречается: у Телета [2, с. 189], Эномая Гадарского [2, с. 290], в «Письмах киников» [2, с. 239, 254] и др., особо отметим панегирик Гераклу у Диона Хрисостома, говорившего, что «после его смерти его почитают больше всех, его считают богом» [2, с. 325]. Подобные коннотации в кинической интерпретации Геракла остаются до конца античности, у Лукиана в «Кинике»: «Геракл, лучший из смертных, божественный муж, сам справедливо признанный за бога» [7, 13], у Иустина Философа — Геракл — богочеловек, призванный спасти людей.

Итак, что же делает Геракла одним из главных протагонистов кинической литературы? В ответе на этот вопрос мы обратимся к истокам кинической мысли — Антисфену, который, как мы считаем, и вводит фигуру Геракла в контекст кинической мысли. (Заметим, хотя Антисфенаи принято считать согласно Диогену Лаэртскому основателем кинизма, однако факт его общения, более того — знакомства, с Диогеном Синопским у ряда ученых сегодня вызывает серьезное сомнение, скорее всего, как предлагает считать Вильям Дж. Кеннеди в своей работе «Аякс и Одиссей Антисфена», такое мнение формируется в истории философии стоиками: претендуя на свою преемственность от Сократа, они возводили себя к одной из форм кинизма, а оттуда — к Сократу и Антисфену [12]).

В каталоге Диогена Лаэртского зафиксированы три титула сочинений Антисфена, посвященные Гераклу: «Геракл Большой, или О силе»; «Геракл, или Мидас»; «Геракл, или О разумении или силе». Однако вопрос о числе сочинений Антисфена, посвященных Гераклу, и об их названиях дискутируется: сомнительным оказывается факт наличия сочинения «Геракл Большой» при отсутствии в перечне Диогена «Геракла Меньшего». Однако и у Диогена Лаэртского в главе об Эсхине упоминается «Геракл Меньший» Антисфена [2, II, 61]. Существуют разнообразные версии, например, «Геракл Меньший» отождествляется с сочинением «Геракл, или Мидас», где Мидас, в противоположность Гераклу, выступает в поддержку удовольствия по аналогии с Хорами Продика. По другой версии Антисфен и вовсе написал одно сочинение, протагонистом которого был Геракл, а три текста, упомянутые Диогеном, суть три части этого единого сочинения, известного под разными названиями: 1. «О силе»; 2. «О рассудительности»; 3. «О Мидасе, или об Удовольствии».

Дискуссионным вопросом является и форма сочинений. Мы поддерживаем точку зрения, высказанную впервые И. Гильдемейстером и Ф. Бюхелером, что сочинения Антисфена о Геракле — диалоги [10, S. 450], и что важно — написанные в жанре сократического диалога (см. подробнее о сократическом диалоге: [1]).

Для реконструкции как сюжета, так и проблематики диалога — а Геракл, несомненно, фигура, интерпретируемая Антисфеном, — мы будем опираться

ся в первую очередь на приведенные Габриэлем Джаннантони в «Socratis et Socraticorum Reliquiae» свидетельства, атрибутируемые им «Гераклу» Антисфена, а именно — свидетельства с 92 по 97 [15, V A, 92–99], а также на издание «Antisthenes of Athens. Texts, Translations, and Commentary» Сьюзан Принц [13], у которой некоторые из свидетельств имеют более широкий контекст.

Приведем свидетельства полностью (перевод наш. — Е. А., С. К.):

[92]. *Eratosthenes, Catasterisms 40 [Massana]*: οὗτος δοκεῖ Χείρων εἶναι ὁ ἐν τῷ Πηλί φοικίῃσας, δικαιοσύνη δὲ ὑπερενέγκας πάντας ἀνθρώπους καὶ παιδεύσας Ἀσκληπίον τε καὶ Ἀχιλλέα· ἐφ' ὃν Ἡρακλῆς δοκεῖ ἔλθειν δι' ἔρωτα, ᾧ καὶ συνεῖναι ἐν τῷ ἄνθρωπ τιμῶν τὸ Πάνα. μόνον δὲ τῶν Κενταύρων οὐκ ἀνεῖλεν, ἀλλ' ἤκουεν αὐτοῦ, καθάπερ Ἀντισθένης φησὶν ὁ Σωκρατικός ἐν τῷ Ἡρακλεῖ. χρόνονδεῖκανὸν ὀμιλοῦντων αὐτῶν ἐκτῆς φαρέτρας αὐτοῦ βέλος ἐξέπεσεν εἰς τὸν πόδα τοῦ Χείρωνος καὶ οὕτως ἀποθανόντος αὐτοῦ ὁ Ζεὺς διατήνευσε βίαν καὶ τὸ σύμπτωμα ἐν τοῖς ἀστροῖς ἔθηκεν αὐτόν. [13, 92 A; 15, V A, 92]. ὑπερενέγκας πάντας ἀνθρώπους καὶ παιδεύσας Ἀσκληπίον τε καὶ Ἀχιλλέα· ἐφ' ὃν Ἡρακλῆς δοκεῖ ἔλθειν δι' ἔρωτα, ᾧ καὶ συνεῖναι ἐν τῷ ἄνθρωπ τιμῶν τὸ Πάνα. μόνον δὲ τῶν Κενταύρων οὐκ ἀνεῖλεν, ἀλλ' ἤκουεν αὐτοῦ, καθάπερ Ἀντισθένης φησὶν ὁ Σωκρατικός ἐν τῷ Ἡρακλεῖ

Эратосфен. Катастеризмы 40: Кажется, это был Хирон, поселившийся на горе Пелион, и превзошедший всех людей справедливостью, и воспитавший Асклепия и Ахиллеса, к кому пришел Геракл, охваченный любовью, и с которым жил вместе в пещере, почитая Пана. И его, из всех кентавров единственного, Геракл не убил, но слушал его, как говорил Антисфен-сократик в «Геракле». Они уже довольно долгое время были вместе, когда из колчана Геракла выпала стрела и попала Хирону в ногу, и после того, когда он таким образом погиб, Зевс из уважения к его благочестию и происшедшему с ним несчастному случаю поместил его среди звезд.

[93]. *Proclus, Commentary on Plato's "Alcibiades" 98.14–16*: λέγει γοῦν καὶ ὁ Ἀντισθένης Ἡρακλῆς περίτινος νεανίσκου παρὰ τῷ Χείρωνι τρεφομένου· “Μέγας γάρ,” φησι, “καὶ καλὸς καὶ ὠραῖος, οὐκ ἂν αὐτοῦ ἡράσθη διὰ τὸς ἐραστῆς” [13, 93; 15, V A, 93].

Прокл. Комментар. К «Алкивиаду» Платона 98.14–16: и, действительно, Геракл Антисфена говорит о некоем юноше, воспитывающемся у Хирона: «Негодный человек не стал бы испытывать к нему любви, ибо, — говорит, — он высокий, красивый, и в самом расцвете сил».

[94]. *Plutarch, On Excessive Shame 18 p. 536b*: οὕτως ἄτρεπτος ἦν καὶ ἀνάλωτος ὑπὸ τῶν τοιοῦτων καὶ κρατῶν ἐκείνησ τῆς παραινέσεως, ἦν ὁ Ἀντισθένης ἱεροῦ Ἡρακλῆς παρήνει, τοῖς παισὶ διακελευόμενος μηδὲν ἰχάριν ἔχειν ἐπαινοῦντι [αὐτούς]: τοῦτο δ' ἦν οὐδὲν ἄλλο ἢ μὴ δῶσιν πλεῖσθαι μηδ' ἀντικολακεῦν τοὺς ἐπαινοῦντας. [13, 94 A; 15, V A, 94]

Плутарх. О ненужном стыде 18 p. 536b: До такой степени он был непоколебим и неодолим ничем подобным и власть имел над той похвалой, по поводу которой антисфенов Геракл давал наставления, когда учил мальчиков не испытывать никакой благодарности к тем, кто их хвалит. И было это ничто иное как [призыв] не смущаться и не чувствовать себя обязанными лстыть в ответ на похвалу.

[95]. *Gnomologium Vaticanum 743 no. 11*: ὁ αὐτὸς θεασάμενος ἐν πίνακι γεγραμμένον τὸν Ἀχιλλέα Χείρωνι τῷ Κενταύρῳ διακονοῦμενον, “Εὖγε, ᾧ παιδίον,” εἶπον, “ὅτι παιδείας ἔνεκεν καὶ θηρίῳ διακονεῖν ὑπέμεινας. [= GNOM. VINDOB. 100] [15, V A, 95; 13, 95]

Ватик. Гномолог. 743 no. 11: он же, увидев на картине изображенного Ахилла, прислуживающего кентавру Хирону, сказал: «Хорошо, Ахилл, что ради образования не отказываешься служить даже зверю».

[96]. *Themistius, On Virtue p. 43 R.*: sin autem vere cognoscere vultis prudentiam aliquid sublime esse, nec Platonem neque Aristotelem testes invoco, sed Antisthenem sapientem, qui hanc viam docuit. ait enim Promethea Herculi ita locutum esse: “vilissimus est labor tuus, quod res humanae tibi sunt curae, sed tamen curam eius, quod iis maioris momenti est, deseruisti. perfectus enim vir non eris, priusquam ea, quae hominibus sublimiora sunt, didiceris. si ista discas, tunc humana quoque discas; sin autem humana tantum didiceris, tu tamquam animal brutum errabis. “qui enim rebus humanis studet et mentis suae prudentiam calliditatemque suam rebus tam vilibus et angustis includit, is, ut Antisthenes dixit, non sapiens est, sed animali similis, cui sterquilinum gratum est. sublimes vero sunt omnes res caelestes, et nos oportet sententiam de eis habere sublimem. [15, V A, 96; 13, 96]

Фемистий. О добродетели. р. 43 R.: Но если вы хотите действительно понять, что добродетель — это нечто возвышенное, тоя не призову в качестве свидетелей ни Платона, ни Аристотеля, но мудрого Антистена, который учил этому пути. По его словам, Прометей сказал Гераклу: «Твой труд — ничтожный, потому что ты занят делами человеческими, ты отказался от заботы о том, что важнее этого. Ты не станешь совершенным человеком, пока не будешь знать вещи, которые более возвышены, чем человеческое; если ты изучишь их, тогда ты также узнаешь и человеческие дела; но, если ты будешь изучать только человеческие дела, ты будешь блуждать как зверь». Тот, кто направляет свое рвение только на человеческие дела, тот запер свое мышление и искусность своего ума в вещах, столь ничтожных и низких, как говорил Антистен, тот — не мудрый, но, как животное, которому приятна навозная куча. Возвышенное — это все небесные вещи, и мы должны иметь возвышенное мышление о них.

[97] *Diogenes Laertius, 6.2*: καὶ ὅτι ὁ πόνος ἀγαθὸν συνέστησε διὰ τοῦ μεγάλου Ἡρακλέους καὶ τοῦ Κύρου, τὸ μὲν ἀπὸ τῶν Ἑλλήνων, τὸ δὲ ἀπὸ τῶν βαρβάρων ἐλκύσας [15, V A, 97; 13, 97= t. 85].

Диог. Лаэртский 6.2: и что подвиг составляет благо, он [утверждал] на основании [деяний] великого Геракла и Кира, один пример — эллинов, другой — от варваров.

[98] *Diogenes Laertius, 6.104*: καὶ τέλος εἶναι κατ' ἀρετὴν ζῆν, ὡς Ἀντισθένης φησὶν ἐν τῷ Ἡρακλεῖ [15, V A, 98; 13, 98].

Диог. Лаэртский 6.104: и целью является жить согласно с добродетелью, как говорит Антисфен в «Геракле».

[99] *Diogenes Laertius, 6.105*: καὶ τὴν ἀρετὴν διδακτὴν εἶναι, καθά φησιν Ἀντισθένης ἐν τῷ Ἡρακλεῖ, καὶ ἀναπόβλητον ὑπάρχειν· ἀξίεραστόν τε τὸν σοφὸν καὶ ἀναμάρτητον καὶ φίλοντ ᾧ ὁμοίῳ, τύχη τε μηδὲν ἐπιτρέπειν. [15, V A, 99; 13, 99].

Диог. Лаэртский 6.105: добродетели можно научиться и ее нельзя утратить, как говорит Антисфен в «Геракле»; только мудрый достоин любви, не совершает ошибок, друг себе подобному и ни в чем не полагается на случай.

Итак, из приведенных свидетельств можно предположить, что действие «Геракла» разворачивается в пещере кентавра Хирона, занимающегося воспитанием юношей, целью которого было научить жить согласно с добродетелью (ἀρετή). В качестве учеников Хирона, помимо Геракла, упомянуты Ахилл и Асклепий. Также постулируется присутствие в диалоге Прометей, который противопоставлен Гераклу, что, возможно, составляло одну из основных перипетий сюжета. Диалог имеет трагическую развязку — смерть учителя — Хирона, от выпавшей случайно из колчана стрелы Геракла.

Для своей интерпретации Антисфен выбирает известный мифологический сюжет, но, скорее всего, дополняет его и перерабатывает: упоминание о том, что Ахилл был воспитан Хироном, встречается у Гомера [3, 11.832], о воспитании героев Хироном речь идет, по-видимому, в приписываемой Гесиоду поэме «Наставления Хирона», однако мифологических историй о воспитании Геракла Хироном ко времени V–IV вв. до н. э. не встречается. Скорее всего, как считает нидерландский ученый Ян Бреммер, они имеют более позднее происхождение, и их появление, например, у Аполлодора в «Мифологической библиотеке», было связано с образовательной репутацией Геракла [9, с. 8], причем не исключено, что на рассказ о Хироне и Геракле у Аполлодора оказал влияние «Геракл» Антисфена [13, р. 322]. (Однако неправильно будет думать, что сюжет с обучением Геракла у Хирона придуман Антисфеном, на вазописи VI в. до н. э. встречаются изображения Гермеса с младенцем Гераклом с одной стороны и Хироном — с другой, но, как считает Ян Бреммер, это говорит лишь о том, что литературные свидетельства о Геракле отставали от изобразительного искусства [9, с. 8–9]).

Прежде чем мы обратимся к анализу свидетельств о «Геракле» Антисфена, затронем один немаловажный вопрос, касающийся общей тенденции в интерпретации образа Геракла во времена Антисфена.

Начнем с того, что Геракл не имел прочных мифологических связей с Афинами и Аттикой, пик его популярности в Афинах приходится на VI в. до н. э., который принято связывать с реформами Писитрата, однако национальным героем в Афинах Геракл не становится, и к V–IV вв. до н. э., времени жизни Антисфена, его популярность падает. Если в VI в. мы встречаемся с Гераклом Эсхила — великим героем, освободителем Прометея, то в V–IV вв. до н. э. мы видим комедийного Геракла Аристофана, Еврипида в «Алкесте»: по-прежнему физически сильного, но при этом обжору, пьяницу и распутника.

Антисфен, несомненно, обращается к героическому образу Геракла, с его безупречной ἀρετή, заданной Гомером, Гесиодом, Пиндаром. Некоторые ученые считают, что на Геракла Антисфена повлиял пифагорейский Геракл [14, р. 34–37]: на рубеже V–IV вв. до н. э. пифагорейская интерпретация Геракла, представляющая его как образец силы и упорства, стала известна в Афинах.

Отметим ключевые моменты диалога, дающие возможность содержательно выявить основную его проблематику:

(1) Действие происходит в пещере, которая, заметим, располагается на горе Пелион, что дает двойственное понимание места действия: низ-пещера и верх-гора находятся на одной плоскости, т. е. в смысловом отношении они стянуты в точку, совпадают: в отличие от «образа пещеры» Платона из 7-й книги «Государства», у которого пещера подобна природе «непросвещенности», и истину можно познать, только выйдя за ее пределы, поднявшись в гору (хотя, заметим, в пещеру нужно обязательно вернуться), для Антисфена из пещеры выходить не нужно, за ее пределами и в ней — истина одна.

Воспитывает и обучает юношей добродетели кентавр Хирон, которого Антисфен, по свидетельству Эратосфена, называет «самым справедливым из людей» [15, V A, 92] (ср.: Ил. 11.832, где Хирон, упомянутый как наставник Ахилла, называется «самым справедливым из кентавров»), прототипом кото-

рого, очевидно, является Сократ. Несомненно, в диалоге Антисфен обыгрывает и случайную смерть Хирона-Сократа от ядовитой стрелы Геракла [15, V A, 92], которая могла толковаться как отсылка и к смерти Сократа, принявшего яд, и к тому, что Хирон, имеющий учеником, как упоминает Эратосфен, Асклепия и, следовательно, обучающий врачебному делу, самого себя вылечить не смог, как и Сократ не смог себя защитить на суде.

Хирон — фигура двойственная, получеловек-полужверь — образ, призванный выразить, как мы думаем, феномен «сократовской силы», которой достаточно, считает Антисфен, чтобы быть человеком добродетельным [4, 6.12]. Собственно, аллегорически, двойственность фигуры Хирона — двойственность в реализации ἀρετή. Этическая позиция Антисфена состояла в том, чтобы практиковать философскую жизнь, а не отыскивать умозрительные основания этики, в отличие Сократа, как он представляется в платоновских диалогах. В основании этической практики Антисфена лежит принцип — λόγος — ἀγαθόν. Для осуществления усилия (λόγος) нужна сила (ἰσχύς). Добродетель не нуждается в многословии. Это, однако, не означает, что установка Антисфена антиинтеллектуалистская, напротив, только тот, у кого есть добродетель, мудр. Можно вспомнить полемические речи «Одиссея» и «Аякса» Антисфена, где речь идет об определении воинской ἀρετή и где основное обвинение Одиссея Аяксу — а в данных речах он прототип Сократа — его невежество (ἀμαθία), которое есть величайшее зло (κακὸν μέγιστον): недостаточно быть только сильным (ἰσχυρός), подобно зверю, добродетель предполагает также и мудрость (σοφία) [15, V A 54, 13] (см. также: [5, 6.12]).

Антисфен в «Герacle» полемизирует не только с Платоном, который не уделял аскетизму должного внимания, но и с другими сократиками, в первую очередь с Ксенофонтом и его интерпретацией Геракла в «Меморабилиях». Их трактовки, касающиеся определения ἀρετή, на первый взгляд кажутся похожими — речь идет об усиллии (λόγος), без которого невозможно стать человеком добродетельным, — и все же несколько отличны: у Ксенофонта Добродетель говорит Гераклу, что достижение блага невозможно без усилия [6, II 1, 21–34]. По Антисфену, усилие (λόγος) и само уже благо и составляет суть добродетельного человека. И здесь Антисфен, скорее, близок к Пиндару, который в своем обращении к Гераклу ставит акцент не только на его ἀρετή, которая дана ему по природе и которая наделяет его естественным превосходством с момента рождения, но утверждает, что быть благородным от рождения — недостаточно, ἀρετή требует постоянного самосовершенствования, усилий (λόγος), что, по мнению Пиндара, и демонстрирует Геракл своими подвигами (см. о фигуре Геракла в сочинениях Пиндара: [11]).

(2) Распределение ролей в диалоге видится следующее: Хирон, как уже было сказано, — это Сократ, Геракл, по-видимому, — сам Антисфен, Ахилл — Алкивиад, и Прометей — Платон.

О том, что в диалоге присутствовал Прометей, мы знаем из единственного источника — Фемистия, его трактата «О Добродетели», в котором он свидетельствует следующее: Прометей ставит в упрек Гераклу, что он слишком увлечен «делами человеческими», которые не ведут к мудрости, добродетель же есть нечто возвышенное, «небесное» [15, V A, 96], что, очевидно, отсылает к Платону.

Однако сам Фемистий говорит обратное: чтобы прийти к добродетели, в попутчики нам нужно взять не Платона, не Аристотеля, но Антисфена [15, V A, 96]. И на первый взгляд, данное свидетельство выбивается из общего контекста как самого сочинения о «Геракле», так и, собственно, общего контекста учения Антисфена. Нет ни одного свидетельства, которое говорило бы о признании Антисфеном идей Платона, напротив, Антисфен упрекает Платона в том, что он создает некие воображаемые, «небесные» сущности, т. н. «стольности», «лошадности», «чашности» [4, VI, 53] (см. также: [8]). Мы склоняемся к следующему пониманию данного свидетельства: Фемистий, давая свою интерпретацию антисфеновского диалога о Геракле, пытается примирить взгляды Платона и Антисфена. И логически можно реконструировать сюжет следующим образом: Геракл-Антисфен в диалоге противостоит Прометею-Платону. Платон рассуждает об «общих понятиях», мудрость его умозрительна, в то время как Антисфен — за практическую добродетель, именно такой практически добродетельный человек (Геракл) совершает подвиг по освобождению Прометея. Однако нужно признать, что такая интерпретация указывает и на авторитет Платона среди учеников Сократа, в т. ч. и у Антисфена. Ведь Прометей известен тем, что именно он принес огонь людям, а следовательно, и философию, и знания.

Интересной представляется и аналогия Хирон — Ахилл и Сократ — Алкивиад, которая может быть рассмотрена в том смысле, что Сократ, сам обладавший силой и практической добродетелью, не смог научить добродетели Алкивиада, т. к. последний такой силой не обладал и не был готов к упражнениям. В этом смысле он противопоставлен Гераклу, который как раз такой силой обладает, его обучение у Хирона — приобретение мудрости как умения управлять своей силой.

Итак, переходим к выводам. Предложенная Антисфеном интерпретация образа Геракла в контексте дискуссий V–IV вв. до н. э. о природе ἀρετή задает принципиально новое представление о человеке добродетельном: на первый план у Антисфена выходит практическая добродетель, которую он понимает, как усилие (πόνος), что есть благо и составляет суть добродетельного человека. Заданное Антисфеном понимание ἀρετή становится в дальнейшем определяющим для киников: блага можно достичь, только предавшись трудам, которые возложила на нас природа, антитезе νόμος — φύσις Диоген дает новую интерпретацию, согласно которой лишь то, что соответствует природе, является добродетельным [4, 6.38].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алымова Е. Эсхин из Сфетта и традиция сократического диалога // Платоновские исследования. — 2017. — Т. 7, № 2 (7). — С. 97–116.
2. Антология кинизма / изд. подгот. И. М. Нахов. — М.: Наука, 1996.
3. Гомер. Илиада / пер. Н. И. Гнедича; отв. ред. Я. М. Боровский. — Л.: Наука, 1990.
4. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. — М.: Мысль, 1979.

5. Караваева С. Ἀρετή воина: Одиссей и Аякс Антифена и воин-страж Платона // Платоновские исследования. — 2017. — Т. 7, N2 (7). — С. 117–126.
6. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. — М.: Наука, 1993.
7. Лукиан. Киник // Лукиан. Соч.: в 2 т. — СПб.: Алетейя, 2001. — Т. 1. — С. 437–444.
8. Светлов Р. Отчего киники не видели «стольности» и «чашности»? // Платоновские исследования. — 2017. — Т. 6, № 1 (6). — С. 82–88.
9. Bremer J. N. Initiation of Heracles. — URL: https://www.academia.edu/30803937/The_Initiation_of_Heracles (дата обращения: 05.10.2018).
10. Gildemeister J., Bücheler F. Themistios Περὶ ἀρετῆς // Rheinisches Museum. — 1872. Bd. XXVII. — — S. 438–462.
11. Hernandez M. P. Nieto. Heracles and Pindar // Mètis. Anthropologie des mondes grecs anciens. — 1993. — Vol. 8, N1–2. — P. 75–102.
12. Kennedy J. W. Antisthenes' Ajax and Odysseus. Department of Classics and Ancient History, Sydney, 2011/. URL: https://ses.library.usyd.edu.au/bitstream/2123/7963/1/kennedy_honsthesis_2011.pdf (дата обращения: 10.05.2017).
13. Prince S. Antisthenes of Athens. Texts, Translations, and Commentary. — University of Michigan Press, 2015.
14. Revue d'Histoire des Religions. — 1961. — Т. CLVII. — P. 34–37.
15. Socratis et Socraticorum Reliquiae: in 4 t. / ed. Giannantoni G. — Napoli: Bibliopolis, 1990.